

«УТВЕРЖДАЮ»

И. о ректора ФГБОУ ВПО

«Ульяновский государственный педагогический университет

им. И.Н. Ульянова»

Т.В. Девяткина

«28 мая» 2014 года

О Т З Ы В

ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ (УЛЬЯНОВСК, УЛЬЯНОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. И.Н.
УЛЬЯНОВА)

НА ДИССЕРТАЦИЮ ГРЕКОВА ВЛАДИМИРА НИКОЛАЕВИЧА

**«Коммуникативные особенности
философской публицистики славянофилов
(1830–1860 гг.)»,**

ПРЕДСТАВЛЕННУЮ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 10.01.01 - РУССКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Наследие славянофилов, в том числе и философская публицистика, привлекало и продолжает привлекать внимание исследователей. Славянофильское учение – особый феномен русской общественной мысли, который еще далеко не получил исчерпывающего описания. Оппозиция славянофилов самодержавному правительству и в то же время отрицательные оценки, данные этому движению советским литературоведением, неоднозначность восприятия славянофильской доктрины современниками разных направлений побуждает не только глубже погрузиться в сущность взглядов славянофилов, но и задуматься наконец о причинах непонимания, противоречивых суждений, цензурных преследований, с которыми сопряжена история славянофильства.

Новейшие методы анализа текста (коммуникативно-ориентированные подходы) позволяют приблизиться к пониманию своеобразия той коммуникативной ситуации, в которой находилась публицистика славянофилов в течение всей их истории.

Еще в начале XIX века Н.И. Новиков высказал принципиальную мысль: «Я так думаю, что пока двое беседующих не будут совершенно согласны в началах и основаниях, то все разговоры их будут бесполезны. Какие же начала?

А вот какие: что есть Бог? – что есть Бог в единице? Что есть Бог в Троице? Что есть натура? Одна ли есть натура или более? Таковы ли видимый и чувственный мир вышел из рук Божиих, каким мы его видим, или был иначе? <...> Что есть философия и откуда она? Изобретена ли она человеком или дана от Бога человеку? Ежели она изобретение человеческое, то она человеческа, а мнения человеческие суть весьма переменчивы».

Н.А. Бердяев в своей работе «Истоки и смысл русского коммунизма» показал отсутствие подобных начал в коммуникативном пространстве России и назвал те основания, которые собственно и затрудняли процесс коммуникации славянофилов со своими современниками: разрыв с окружающей действительностью, противостояние системе официальной народности, горячая защита свободы личности, совести, мысли, слова, признание принципа верховенства народа, критика европейского влияния в России, рационализма, выработка более высокой формы познания – «живознания», провозглашение необходимости цельного духа, «болящего разума», опирающегося на христианскую веру, и в то же время – архаизм и утопизм их общественных идеалов.

С этой точки зрения диссертационное исследование, посвященное коммуникативным особенностям философской публицистики славянофилов, представляет собой актуальное и новаторское исследование важной проблемы современного гуманитарного знания.

Диссидент избирает методологию анализа (с позиций теории коммуникации и семиотики), во многом раскрывающую причины «коммуникативных неудач» славянофилов. Избранный ракурс изучения славянофильской философской публицистики выявляет внешние и внутренние факторы, создавшие кризисную коммуникацию.

Исходя из того, что цель коммуникации – установление связи, включение адресанта и адресата в единый процесс общения, диссидент детально характеризует коммуникативное пространство славянофилов (авторы, их интенции, их сообщения, средства передачи сообщения) и констатирует перманентный коммуникативный кризис, нарушенную коммуникацию, что было обусловлено рядом причин.

Коммуникативный кризис убедительно показан в работе как институциональный, вызванный «нарушением или даже невозможностью правильного, свободного развития литературы/публицистики, нарушением связи с читательской аудиторией ...» (с. 15).

Диссидент рассматривает также коммуникативное воздействие славянофильской публицистики в мировоззренческом и художественном

аспектах, объясняет характер «коммуникативной матрицы» публицистики. В положениях, выносимых на защиту, впервые подробно формулируются причины коммуникативного кризиса и особенности исследуемой кризисной коммуникации.

1 глава диссертации посвящена формированию коммуникативного пространства публицистики славянофилов (1832-1852), где В.Н. Греков справедливо отмечает, что коммуникативный кризис проявляется как потеря доверия и приводит к искажению текста и самой философской мысли, т.е. к кризисной коммуникации. Существенно, что философская публицистика славянофилов требовала собственного коммуникативного пространства и создания независимых, органов печати, чему власть постоянно препятствовала. В главе дается характеристика коммуникативного пространства русской публицистики XIX века, отмечаются ее внутренние противоречия: установка славянофилов на диалогизм и в то же время идеологический и редакторский деспотизм, неустойчивость, подвижность универсальных оппозиций (Россия и Европа, прошлое – настоящее, наука – вера и др.).

Диссидентант наглядно показывает, как совокупное воздействие коммуникативного кризиса и кризисной коммуникации ведет к деформации общественной мысли (слова Киреевского о прозорливом правительстве, о мудром цензурном уставе могут быть восприняты как в прямом, так и ироническом смысле), т.е. может произойти метаморфоза первоначальных интенций. Другое сознание заведомо настроено на неприятие, подозрение, поиски скрытого смысла в текстах, оперирующих даже теми же понятиями, и оставляет только за собой право на истину. Отсюда – обвинения славянофилов в двусмысленности и политической неблагонадежности (особенности интерпретации слов «просвещение», «деятельность разума», «искусно отысканная середина» и др.) в «Европейце» Киреевского. Конструктивный текст трактуется как политически заостренный и опасный. Тот или иной конкретный образ истолковывается как многозначный символ.

Автор диссертации справедливо отмечает, что, конечно, политическая подоплека в публикациях существует, но дело в том, что для славянофилов важно было не политическое прочтение их текстов, а концептуальное, ценностное и целостное. Нельзя не отметить, что порой публицистика славянофилов, именно благодаря этой особенности, сохраняет не только философскую или нравственную, но и политическую актуальность до наших дней, и, возможно, долго еще будет сохранять (например, статья И.С. Аксакова «О служебной деятельности в России», где эта деятельность предстает как «высшее выражение формализма», как «лишенная всякой жизненной почвы»).

Кроме того, важно указание диссертанта на категорию «гиперлогического знания», которой руководствовались славянофилы и которая, с одной стороны, направлена на полное постижение истины, а с другой, – не будучи научной категорией, затрудняет взаимопонимание.

Все это, как верно указывает В.Н. Греков, порождало домысливания, разногласия в интерпретации, а расплывчатость формулировок, неточность, недосказанность были как средством, так и результатом коммуникации. Разумное, осмыщенное понимание текстов сочеталось с иррациональным восприятием, со страхом пропустить что-то «недозволенное», вследствие чего каждый текст становился политическим.

Затем (во 2 главе) «Философские концепты и образы в публицистике славянофилов» В.Н. Греков отмечает логический «полицентризм» славянофильства, порождающий повышенную образность текстов.

Диссертант показывает, что та же категория «цельность» путем логических рассуждений приводит к категории «вера». Вера же, по своей природе, символична. Убедителен вывод диссертанта: «Пожалуй, в каждой категории славянофильской философской публицистики присутствует нечто иррациональное, и она значит больше, чем раскрывается на уровне логического сознания» (с. 192). (В связи с этим как не вспомнить слова С.Т. Аксакова в письме от 23 февраля 1852 года к сыновьям Константину и Ивану: «Я признаю Гоголя святым, не определяя значения этого слова». Здесь показателен отказ от строгих дефиниций, что как раз характерно для славянофильского дискурса).

Автор диссертации считает, что чувственные восприятия необходимо превратить в понятия, чтобы придать им объективность и всеобщность. У славянофилов же понятия выступают одновременно как логическая категория и как образ; порой это символы, не поддающиеся определению. Гиперлогическое знание стоит у них выше рассудочного и выражает «сущее», «изначальное».

Вторая глава представляется самой удачной в рецензируемой работе.

Изучение пространственно-временных категорий наиболее ясно отражает тип познания, свойственный славянофилам. Это, думается, весьма корректный и перспективный подход. Ведь не случайно задуманное И.В. Киреевским издание называлось «Девятнадцатый век». В.Н. Грекову удалось выделить главное во всей философии славянофильства, извлечь самое ядро проблемы.

Исследование категорий времени и пространства предстает как адекватная и результативная методология при изучении славянофильства. В этом заключается теоретическая значимость исследования.

Показывая тонкости, нюансы и варианты осмысления славянофильской философской публицистикой времени и вечности, определенного пространства

и беспредельности, диссертант проникает в самую сущность мировосприятия славянофилов, точно расставляет акценты. «Время то отождествляется с историей, то противопоставляется последней как вечность» (с. 211). Выделяя категории «дух времени» и «время души» В.Н. Греков анализирует смешение временных фаз и пространственных состояний, неоднозначные трактовки этих понятий у разных авторов, их перетекание друг в друга, их взаимодействие, дает ключ не только к рассматриваемым в диссертации текстам, но и к произведениям русской классической литературы, где показана диалектика отношений человека и эпохи, где героем является время, где личность способна (или не способна) противостоять своему веку, должна отвечать (или не отвечать) «духу времени», беречь, хранить (или не беречь, не хранить) «время души».

В работе В.Н. Грекова отчетливо показана закономерность в смене понятий «дух времени», «дух просвещения», «время души». Все вышесказанное представлено в условиях сложного взаимодействия двух также неоднозначных пространств – России и Запада, в ситуации неясности, неопределенности вектора движения и его неуправляемости. Кроме того, диссертант воссоздает и соответствующие этому образные ряды в публицистике славянофилов (путь, «наводящее ужас движение», юность и дряхлость, живое и мертвое, «наш век»), близкие лучшим творениям русской художественной литературы (Лермонтов, Гоголь, Тютчев и др.)

В диссертации подчеркивается, что познавательные концепты у славянофилов (разум, рассудок, чувство, воля, вера, любовь) первичны по отношению к историософским. Образы переходят в логические категории, а затем в символы, которые по самой своей природе способны сочетать противоположные смыслы. Как верно отмечает автор работы, в этом состоит существенная особенность публицистики славянофилов, которая влечет за собой не только отказ от словесных определений, ошибки в истолковании исторических событий, произвольность семантических ассоциаций, но и ведет к несогласованности, разрозненности убеждений самих публицистов, к их размежеванию, к границам научного познания. Отсюда «невыразимость русской идеи», представление о «внутренней тайне национального самосознания» («В Россию можно только верить») и – неразличение, а затем и смешение философских концептов.

Переходя в 3 главе к историософским проблемам в философской публицистике славянофилов, диссидентант подчеркивает, что понятие «народ» лишается определенности, однозначности, предстает только как образ в связи с концептами лжи и правды, внешнего и внутреннего.

Важным и плодотворным представляется утверждение, что недостатки и пробелы исторического знания восполнялись у славянофилов психологическим обобщением, а сам русский народ выступал как проводник общечеловеческих, общехристианских идеалов и ценностей. Закономерно, что исследователь обращается к принципиальному различию между концептами славянофилов, с одной стороны, и знаменитой уваровской триадой, с другой. Одновременно автор диссертации тонко и убедительно проводит разграничения в воззрениях на народность в среде самих славянофилов, подтверждая поговорку «сколько голов – столько умов».

Основные положения 3 главы опираются на выводы предшествующей: славянофильские философские концепты и образы не поддаются однозначному логическому определению, они имеют мифологическую, поэтическую, сакральную природу, не вписываются в рациональные схемы и несут на себе печать духовной личности автора, зависят от субъективного ощущения.

В.Н. Греков совершенно справедливо считает, что для достижения коммуникации достаточно искренности автора и уверенности в своей правоте, а вот для достижения коммуникативных целей, для убеждения читателя, для воздействия на него – нужны аргументы, результаты научных исследований. Характерный для славянофилов интуитивный способ познания можно воспринимать как высший, однако он предполагает изначально существующее духовное единство, согласие в началах и основаниях (о которых говорил Н.И. Новиков). Проанализированное диссидентом коммуникативное пространство как раз не обладало таким единством, и потому недостижим был успех коммуникации.

Убедительно представлены в диссертации понятия «народность» и «лженародность», их логическая и образная ипостаси. Наглядно, доказательно проведен анализ соответствующих образных рядов (подобия, призраки, мнимости, тени, маскарад, балет, бал и др. взамен истины и правды), подменяющих плодотворные жизненные начала мертвизной и ничтожеством идеалов, воплощающих апокалиптическую ситуацию.

В свете рассматриваемых в работе В.Н. Грекова вопросов не могла остаться без внимания проблема крепостного права в славянофильских текстах, где вновь проявились их внутренние противоречия: исчезновение трагической стороны народной жизни, сакрализация абстракций, проповеднический тон и, в конечном счете, искажение исторической истины, мифотворчество.

С другой стороны, в работе отмечено, что синcretизм историософии, религии, поэзии приводил нередко к подлинным откровениям, к постижению исторических судеб России, к пророчеству предстоящих ей испытаний.

Диссертант убедительно показывает, что ситуация выбора, селекции тех или иных исторических событий, их «переживание» вело к символизации, к обобщению и – нередко – к открытию подлинных закономерностей русской жизни в ее прошлом, настоящем и будущем.

Автор диссертации беспристрастен, объективен в своем исследовании, хотя анализируемый материал способен и сегодня заангажировать ученого, завоевать симпатии и поддержку злободневностью многих своих идей, своим нравственным потенциалом.

Несомненным достоинством является использование редких и архивных (неизданных) материалов, позволяющих всесторонне осветить предмет изучения.

Что касается замечаний к работе, то они, на наш взгляд, могут быть сведены к одному лишь сомнению, связанному с терминологическим аппаратом (т.е. с использованием категорий теории коммуникации).

Коммуникативный подход к письменной и устной речи, бесспорно, актуален в филологическом, философском, психологическом и многих других отношениях и, безусловно, результативен. Рецензируемая диссертация подтверждает это.

Однако не следует забывать, что методология исследования должна в максимальной степени соответствовать материалу, предмету изучения.

Между тем возникновение теории коммуникации было обусловлено развитием технических средств передачи информации в XX веке (радио, компьютеров), процессами глобализации и большого бизнеса. Теория коммуникация связана с кибернетикой, информатикой, семиотикой, математикой, инженерными науками и т.д.

Конечно, коммуникативный подход давно уже применяется к анализу не только публицистических, но и художественных текстов, однако при этом из поля зрения нередко ускользает сама уникальность произведения, его «личностность», его нравственное содержание. Внимание переходит на общие закономерности, связанные с обменом информацией.

В.Н. Грекову удалось этого избежать, его тонкие характеристики философской публицистики славянофилов конкретны, «персональны», что не мешает диссиденту выявить те или иные генеральные тенденции. В этом случае применение «коммуникативной» терминологии выглядит порой не вполне корректным, излишним, избыточным, не добавляющим ничего нового, а лишь именующим результаты исследования в соответствии с последней научной модой. Думается, что сами славянофилы вряд ли согласились примерить эти модные одежды.

При изучении славянофильского наследия, требуется, на наш взгляд, скоординировать коммуникативный подход с собственной славянофильской теорией познания, т.е. избегать обезличивания, «массовости», техницизма, механистичности – всего того, что было для них самих решительно неприемлемо, что отдает чуждым им сухим «рационализмом».

Заметим сразу, что в большинстве случаев В.Н. Грекову это удается.

Высказанные замечания имеют, скорее, характер соображений, размышлений и ни в коей мере не умаляют заслуг диссертанта, написавшего новаторскую, органичную, целостную, глубокую работу, имеющую очевидную научную и практическую значимость.

Автореферат и научные публикации отражают основные положения диссертации.

Таким образом, диссертация «Коммуникативные особенности философской публицистики славянофилов (1830-1860 гг.)» представляет собой законченное, самостоятельное исследование, отвечает необходимым критериям актуальности, теоретической и практической значимости и новизны и соответствует всем требованиям Положения о порядке присуждении ученых степеней ВАК РФ, а автор диссертации – Греков Владимир Николаевич – заслуживает ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Отзыв составлен профессором кафедры литературы доктором филологических наук Сапченко Любовью Александровной и утвержден на заседании кафедры литературы Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова 24 мая 2014 г. (протокол № 8).

Профессор кафедры литературы ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова», доктор филологических наук

Л.А. Сапченко Л.А. Сапченко

Заведующая кафедрой литературы ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова», доктор педагогических наук

Л.И. Петриева Л.И. Петриева

